

ДЕТЕКТИВЫ О ЖЕНЩИНЕ – ЦУНАМИ

Влада Ольховская

Псевдоним
ХИЩНИКА

Агния Туманова. Детектив с места событий

Влада Ольховская
Псевдоним хищника

«Влада Ольховская »

2015

Ольховская В.

Псевдоним хищника / В. Ольховская — «Влада Ольховская », 2015 — (Агния Туманова. Детектив с места событий)

Сделать вид, что ничего не происходит, а все совпадения случайны, Вика Азарова не могла. Она уже пыталась, когда ее супруг Марк рассказал ей об убийстве сестер Кнориных. Ведь все указывало на то, что это преступление не имеет к их семье никакого отношения! А теперь произошло вооруженное нападение на отель, где проходил благотворительный аукцион, на котором присутствовал Марк, друг семьи Максим исчез, Андрей попал в аварию. Тучи сгустились над домом Азаровых. Только племянница Марка Ева, казалось бы, знает и понимает, что происходит. И у нее, наверное, есть весомые причины, чтобы установить за домом настоящий медвежий капкан...

© Ольховская В., 2015

© Влада Ольховская , 2015

Содержание

Пролог	6
Часть I	8
Глава 1	8
Глава 2	20
Глава 3	29
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Влада Ольховская

Псевдоним хищника

© Ольховская В., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Пролог

Крик девушки разносился на весь подъезд. Впрочем, это никого не удивляло – не открылась ни одна дверь, никто из соседей даже не прильнул к «глазку», чтобы посмотреть, что происходит. А все потому, что характерный высокий голос Люды Кнориной здесь прекрасно знали.

– Скотина! – эхом разносилось по коридорам и лестницам. – Жадная свинья! Ненавижу!

Делать ей замечания не решался никто: ни мужчины, опаздывавшие на работу, ни бабушки с маленькими детьми, которые обычно не боялись связываться и с дворовой шпаной, лишь бы уберечь светлые умы подрастающего поколения от ругательств. Просто если в случае со шпаной какая-то перспектива еще была, то в случае с Людмилой Кнориной – никакой.

– Ну вот за что мне это? – сокрушалась невысокая, хрупкая на вид блондинка. – Чем я заслужила такое отношение?

– По-моему, ты опять драматизируешь, – попыталась успокоить ее сестра.

Но ее реплика просто растворилась в потоке общих переживаний Люды. Это тоже было предсказуемо и типично. Елена Кнорина была старшей сестрой Люды, но всегда казалась младшей. Она не пользовалась вызывающей косметикой, одевалась очень скромно, жила тихо и мирно. Словом, была ее полной противоположностью.

– Как можно быть настолько жадным? – продолжала изливать миру свою скорбь Люда.

Обычно Лена старалась поменьше бывать рядом с сестрой в такие моменты. Чем старше они становились, тем чаще отец отказывал Люде в деньгах. Жить на широкую ногу она привыкла, зарабатывать самостоятельно не умела совершенно, поэтому скандалы гремели в семье все чаще.

Елена же давно вышла замуж и жила отдельно. Но в этом месяце пришлось переехать в отчий дом, потому что муж собирался вернуться из командировки только к Новому году, а оставаться одной в ее положении женщине не хотелось.

– Ты скоро? – капризно поинтересовалась Люда.

В иных обстоятельствах она не стала бы ждать сестру, давно развернулась бы и ушла, хлопнув дверью. Но отказ в деньгах автоматически означал, что позволить себе такси она не сможет. Люда не сомневалась, что Елена просто обязана подвезти ее – в качестве компенсации за жадность отца. Елена это мнение не разделяла, однако отказывать не умела.

– Я уже готова. – Женщина не без труда застегнула куртку на животе. Шестой месяц беременности превращал эту нехитрую, в общем-то, задачу в настоящее испытание. – Сейчас пойдем.

Подъезд затих, можно сказать, затаился. Да и немудрено, ведь все это время Люда вопила на пороге квартиры. Наученные горьким опытом соседи предпочитали просто не пересекаться с ней лишней раз. Ей дополнительный скандал только в радость, а собеседнику потом предстояло провести с испорченным настроением весь день.

Тихую, добрую Елену соседи любили и открыто жалели.

Они прошли от квартиры к лифту. Людмила не переставая бубнила о жадности отца и несправедливости бытия. А Елена старалась шагать быстрее, хотя чувствовала себя не слишком хорошо. Все-таки не зря она записалась к врачу, пусть проверит, все ли в порядке...

– Домой не вернусь! – категорично заявила Людмила, вызывая лифт.

– А куда ты пойдешь?

– Не скажу! Потому что ты скажешь батю, и он не будет волноваться.

– Ты хочешь, чтобы он волновался? – укоризненно посмотрела на нее Елена. – Знаешь ведь, что у него с сердцем плохо!

– Это ему наказание! Кармическое! Потому что нельзя себя вести как барин! Давать мне деньги – его пожизненная обязанность, а он этого не понимает.

– Да с чего ты взяла-то? Тебе тридцать лет! Радуйся, что тебя до сих пор родители в квартире терпят!

– Не хотели ребенка – нужно было аборт вовремя сделать, – рассудила Люда. – А раз не сделали, пусть терпят теперь! Кстати, ты об этом задумайся. Твоя личинка на свет появится – ты тоже намучаешься!

– Это ребенок, вообще-то... Твой племянник...

– Да плевала я!

Двери лифта открылись, пропуская обеих женщин в просторную, хорошо освещенную кабину. Отличная система вентиляции спасала от духоты, играла тихая инструментальная музыка. На Елену это всегда действовало успокаивающе. Ну а заткнуть ее сестрицу сейчас не могло ничто, Люда продолжала озвучивать свое мнение. Правда, сейчас акустика подводила, такого очевидного эффекта, как на пороге квартиры, не было. Ее ругательства поглощало замкнутое пространство кабины, и выслушивать их была вынуждена лишь Елена.

Ей это радости не добавляло. Женщина с тоской смотрела на цифры, сменяющиеся на табло лифта; ей хотелось, чтобы все это поскорее закончилось, но кабина двигалась вниз так медленно, будто нарочно!

– А если у меня долги? – Люда, судя по всему, наслаждалась звуками собственного голоса. – А если у меня другие неприятности? Вдруг мне лечение нужно? Он же ничем не интересуется! Нет – и все! Скотина... ненавижу!

Тут можно было много что возразить, но Елена даже не пыталась. Это ведь не спор... это очередной монолог Люды, ей все эти аргументы до лампочки. Единственным спасением было не поддерживать разговор.

Девятый этаж, восьмой, седьмой... Когда на мониторе появилась цифра шесть, лифт вздрогнул и остановился. Характерный звуковой сигнал предупредил, что двери сейчас откроются.

– Еще кто-то лезет! – всплеснула руками Люда. – Вот ведь ленивые скоты! С шестого этажа не могут пройти пешком вниз! Небось жирные, как наш папаша!

А Елена уже мысленно сочувствовала будущим пассажирам лифта. Сестре ведь неважно, знакомые это или нет. Ее мнение придется слушать всем.

Но когда двери кабины открылись, все пошло неправильно... В лифт решительно вошли четверо мужчин, отгеснив женщин назад. Все они были среднего роста, в черной одежде, с лицами, закрытыми черными масками.

– А вот и наши сестрички! – объявил один из них. – Как раз по расписанию!

Ситуация была настолько шокирующей, что Елена просто потеряла дар речи. А вот Люду напугать было сложно.

– Какого черта? – возмутилась она. – Что за цирк?

– Помашите камере, девочки. – Мужчина указал на красный огонек, горящий в углу лифта. – Сейчас будем передавать привет вашему папочке – через вас.

– Слушай, а эта беременная... – заметил его спутник.

– Неприятно, но надо работать! Не повезло ей.

Елене хотелось верить, что это какой-то розыгрыш – жестокий, но безобидный. Или конкуренты так запугивают их отца, но к ним это не имеет отношения! Потому что ничто другое не может случиться... только не с ней и ее ребенком!

Но двери лифта закрылись, а мужчина, обратившийся к ним первым, достал из-за пояса нож.

Часть I

Шахматы

Глава 1

В начале казалось, что большой дом – это идеальное поле для творчества. На таких просторах можно развернуться, не то что в тесной квартире, в которой Вика жила раньше! Но оказалось, что украшение комнат – дело не самое простое и довольно утомительное.

Значительная часть стен, подоконников и дверей уже блестела новогодней атрибутикой. Оставалось еще подумать, что повесить на окна и куда девать оставшийся набор радужных шариков, а на это не было сил. Поэтому без лишних угрызений совести девушка закинула коробки с украшениями в кладовку и отправилась на кухню. Уже там, в облаке запахов яблочного пирога с корицей, принесенного утром соседкой, она рассматривала плоды своих дизайнерских усилий и думала о том, что ее собственное жилище теперь напоминает домик с рождественской открытки.

Это уже стало привычным. Удивление приходило лишь тогда, когда Вика вспоминала прошлое, свои былые приоритеты и мечты и отмечала, как сильно все изменилось за пару лет. Новый год таким размышлениям очень даже способствовал.

Вика, в отличие от большинства сверстниц, о счастливом замужестве и большой семье не мечтала никогда. Она не ожидала принца на белом коне, не сложилось, ей хотелось строить карьеру, самостоятельно зарабатывать, ни от кого не зависеть. А любовь... Это понятие казалось ей чем-то искусственным, придуманным для того, чтобы девочки-подростки реже впадали в депрессию. Сама Вика относилась к любви весьма прагматично: встречалась с теми, с кем было удобно, воздушных замков не возводила, обрывала отношения спокойно и продуманно.

Даже замуж она впервые вышла лишь потому, что это стало выгодно. Вика хотела работать в брачном агентстве, а там негласная политика требовала наличия законного супруга. Поэтому девушка договорилась с бывшим однокурсником, итальянцем Алессандро Сальери, взяла его фамилию, прописала новоиспеченного супруга в своей квартире.

Жизнь шла строго по ее плану, и Вику это вполне устраивало. К мысли о том, что в отношении эмоций есть нечто большее, она относилась со скептицизмом. Пусть другие себе придумывают проблемы и страсти, ей и так хорошо!

Однако судьба наглядно продемонстрировала девушке, что не собирается считаться с ее желаниями вечно. Вика обнаружила, что за ней начал охоту серийный убийца. Ситуация была в равной степени неожиданной и дикой, девушка понятия не имела, как быть и у кого просить помощи. Для полиции у нее не хватало доказательств, а справиться с этим самостоятельно она не могла.

Тогда на горизонте и появился Марк Азаров. Гражданин Германии и сын русских эмигрантов, он приехал в Москву в командировку, где и познакомился с Викой. Посторонний человек вдруг оказался ближе, чем те, кого она знала много лет, в том числе и ее супруг. Расследование закончилось, а Марк в ее жизни остался, и похоже, что навсегда. Надеяться на это позволяло обручальное кольцо, скромно поблескивающее на безымянном пальце девушки¹.

Вторая свадьба была настоящей, из тех, в которые Вика долгое время не верила вообще. По любви. Но это раньше не верила, теперь многое изменилось. У нее появились семья, свой дом... новая работа и немалый опыт детективных расследований. Последнее не переставало ее

¹ См. роман Влады Ольховской «Нецарская охота» (издательство «Эксмо»).

поражать, однако в глубине души девушка даже гордилась этим. Хотя Марку бы не призналась: он все, что подразумевало риск для жизни и здоровья, не одобрял.

В коридоре слышались шаги. Тихие, едва уловимые, но уже это было много. Вика по опыту знала: если Ева не хочет, чтобы ее приближение заметили, она будет двигаться без единого звука.

На кухню вошла девушка лет двадцати, высокая, худенькая, воздушная и чем-то неуловимо похожая на ангела. Может, льняными волосами, успевшими отрасти почти до плеч, может, огромными голубыми глазами, такими светлыми, что иногда казалось, будто они сделаны из льда. Но Вика слишком хорошо знала Еву и не давала «ангельской» внешности себя обмануть.

– Нравится, как я дом украсила? – поинтересовалась Вика.

– Произошедшие изменения меня не интересуют.

Кто-то другой мог бы посчитать ее слова оскорбительными. Но Вика прекрасно знала, что ответ – любой ответ! – Евы – это уже огромное достижение.

В свое время именно этот «ангел» разрушил первую семью Марка, а потом доставил немало неприятностей им с Викой. Но в конечном счете Вика пришла к выводу, что так было нужно – чтобы получилась их собственная, полноценная семья.

С этим Марку не слишком везло раньше. После переезда в Германию у его родителей не стихали конфликты с его старшей сестрой. Девушка ушла из дома, едва достигнув совершеннолетия, и больше они ее не видели. Изредка она звонила, сообщая, что все в порядке. Но много о себе не рассказывала, никогда не говорила, где находится. Не приехала Лена даже на похороны матери и отца.

Поэтому сообщение о том, что он является единственным опекуном своей племянницы, стало для Марка громом среди ясного неба. Во-первых, ни о какой племяннице он даже не подозревал! Во-вторых, его сестра была молода, здорова, она не могла умереть!

И все же реальность оказалась печальной. Не осталось никаких сведений о том, от кого Лена за четырнадцать лет до своей смерти родила дочь. Девочка появилась на свет с врожденными патологиями, это стало ясно с первых лет ее жизни. При этом поставить Еве точный диагноз не решался ни один психотерапевт. Специалисты сошлись на мнении, что у нее очевидная задержка развития – в четырнадцать лет Ева не умела ни читать, ни писать, ни говорить. Более того, именно она зарезала свою мать, когда Лена находилась под влиянием наркотиков².

Все эти сведения лавиной обрушились на Марка. Однако, несмотря на рекомендации врачей, он решил не отказываться от племянницы. Он чувствовал чудовищную вину перед сестрой и хотел искупить ее хотя бы так.

Тогдашняя супруга его порыв не оценила. Она никогда не скрывала, что не любит мужа, но ее устраивал уровень жизни, который обеспечивал ей Марк. Когда в доме появилась Ева, женщина взбунтовалась: теперь ее сын от предыдущих отношений перестанет быть единственным наследником всего имущества. Но открыто объявлять об этом она не решалась, поэтому делала ставку на предполагаемую агрессию Евы. Как девица, которая убила свою мать, может находиться в одном доме с маленьким ребенком?!

Марк пошел жене навстречу и снял для Евы отдельный дом, нанял гувернантку. Но тут супруга возмутилась лишними тратами в семейном бюджете. Она подала на развод, а вскоре повторно вышла замуж за состоятельного соотечественника.

Предательство пришлось на период, когда Марку и так было тяжело. Он разочаровался в семейной жизни, к новым отношениям не стремился. Все свое внимание он сосредоточил на Еве, надеясь помочь ей, повлиять на ее состояние. Но она казалась именно такой безнадежной, как говорили врачи.

² См. роман Влады Ольховской «Ангел придет за тобой» (издательство «Эксмо»).

Все изменилось, когда он познакомился с Викой и оказался втянутым в первое расследование³. Ева проявила к этому делу повышенный интерес. Девушка продемонстрировала, что и говорить умеет, и читать, и писать, и с компьютером обращаться. Выяснилось, что Ева как раз обладает повышенным уровнем интеллекта. Просто жила она по собственным правилам, со своими представлениями о морали. Это делало ее в глазах окружающих сумасшедшей, но не с тем диагнозом, что ставили ей врачи. Истинная сущность племянницы еще больше запутывала Марка, он ее просто не понимал.

Знакомство Евы и Вики сложно было назвать дружеским. Ева прекрасно помнила, как Марк отреагировал на предательство первой жены. Несмотря на все особенности характера, дядю она любила и не хотела, чтобы он снова прошел через нечто подобное. Вика едва не поплатилась за это жизнью. Лишь благодаря расследованию им удалось найти общий язык.

С тех пор Ева сильно изменилась. Не кардинально – на то, что она когда-либо станет нормальной, и надеяться не приходилось. И все же появились люди, которых она считала близкими, появились способы отвлечься, сбросить агрессию, и девушка стала лучше себя контролировать. Во многих расследованиях именно ее ум, странный, непонятный, помогал им докопаться до истины.

То, что она спокойно входила на кухню, поворачивалась к Вике спиной, отвечала на обычные повседневные вопросы, и было лучшим показателем прогресса.

– Твой отец не звонил? Он должен на днях определиться, когда именно приедет.

А этот вопрос Ева уже проигнорировала. Это не означало, что она расстроена или задета темой. Просто если она считала, что собеседник задает вопрос, на который изначально знает ответ, то и тратить энергию на слова нет смысла.

В данном случае Вика действительно знала ответ. Эрик, конечно, звонит дочери, но подобные бытовые моменты он бы точно обсудил с ней или Марком. Ну а то, что он приедет на Новый год, было само собой разумеющимся – ведь он тоже часть семьи!

Эрик Тайлер и был биологическим отцом Евы. Не случайный партнер, не дружок-наркоман, не какой-нибудь мелкий мафиози, как предполагалось изначально, а талантливый хирург из Америки. Он встретил Лену Азарову, когда их обоих обманом привлекли к работе на скрытой исследовательской базе в Таиланде, занимавшейся созданием биологического оружия и наркотиков для крупной преступной организации⁴. Выйти оттуда добровольно оказалось нереально, а беременность Лены осложнила побег.

После родов Эрику сказали, что ребенок умер. Саму же Лену вместе с дочерью отправили в Германию для продолжения работы на другом объекте. После этого женщина сломалась, она безропотно выполняла все, что ей было велено, подседала на наркотики, чтобы приглушить боль. Построить полноценные отношения с другим мужчиной она так и не сумела.

Эрик тоже остался в организации, но совсем по другой причине. Являясь помощником одного из руководителей группировки, он тайно сотрудничал с полицией, чтобы предотвращать крупные преступления. Он жил надеждой однажды освободиться из этого замкнутого круга и вернуть Лену.

Не успел. Он даже не знал о том, что она умерла. Лишь через семнадцать лет после событий в Таиланде ему удалось выяснить, что его обманули – потому что Ева предстала перед ним собственной персоной. Она спланировала и привела в действие операцию, подкосившую все итальянское отделение организации. Встреча с отцом и для нее стала неожиданностью, к которой Ева отнеслась без тени сентиментальности. В ее личном мире Эрик был посторонним человеком, недостойным внимания.

³ См. роман Влады Ольховской «Коллекционер ночных бабочек» (издательство «Эксмо»).

⁴ См. роман Влады Ольховской «Магнолия мадам Бовари» (издательство «Эксмо»).

А для самого Эрика жизнь перевернулась с ног на голову. Он лишь теперь осознал, насколько устал от работы двойного агента. Он нашел новую цель, новый смысл просыпаться каждое утро. То, что Ева игнорировала его, Эрика несколько не смущало. Он не привык отступать перед трудностями.

Из организации он ушел, хлопнув дверью: сдал основные руководящие кадры, чем развалил почти всю европейскую сеть. При этом за годы службы Эрик заработал немалое состояние, которое потратил на открытие собственной частной клиники.

Именно там и начала работу Вика, став главой международного отдела. Дела шли неплохо, первые пациенты были очень довольны. Единственным неудобством было то, что клиника находилась довольно далеко от столицы: больным требовалась чистая экология. Но жить там летом и осенью оказалось очень даже комфортно.

В Москву Вика и Ева вернулись лишь в начале декабря. Эрик скоро тоже собирался подъехать, чтобы встретить праздник вместе со всеми. Их с дочерью отношения до сих пор нельзя было назвать образцовыми, и все же ситуация определенно сдвинулась с мертвой точки.

Пока Вика думала о прошлом, Ева копалась в холодильнике. Наконец она извлекла оттуда пакет с мясом, достала с полки металлическую миску.

– Ты ее не слишком часто кормишь? – присвистнула Вика.

– Сколько надо. Сейчас зима. Ей сложно.

Домашнее животное у них тоже появилось благодаря Еве. И не одно... Сначала она привела в дом собаку, немецкую овчарку по кличке Хан. Животное оказалось умное, Вика такому члену семьи была рада, тем более что наличие питомца придало ответственности самой Еве. Однако Хан погиб, когда на них было совершено покушение⁵.

Для Евы это стало серьезным ударом. Она никогда не жаловалась открыто, но чувствовалось, что она готова в любой момент замкнуться в себе, как раньше. Вика не могла этого допустить, а что делать, не знала. Просто купить новую собаку? Не вариант, такому животному Ева наверняка уделяла бы не больше внимания, чем мебели. Найти другого побитого жизнью пса, которого девушка приняла бы, как Хана? Да где же его взять!

Ситуация решилась сама собой, когда они столкнулись с дрессировщиком хищных животных. В его зверинце оказалась молодая пятнистая гиена, которую дрессировщик использовал для тренировки более опасных хищников. Каким образом Ева умудрилась приручить это существо, Вика не понимала до сих пор. Да и не радовалась тому, что вопрос с домашним животным решился именно так. Но что сделано, то сделано, разлучить теперь этих двоих не представлялось возможным.

Хотя изначально они с Марком, соглашаясь взять Табату домой, сразу сказали: если животное будет вести себя агрессивно, его придется сдать в зоопарк. Однако гиена словно поняла их. Нет, в ласковую кошечку она не превратилась. Но и проблем не доставляла. Ни разу и ни при каких обстоятельствах она не пыталась напасть на Марка, Вику или их гостей, не говоря уже о Еве.

Поэтому им пришлось смириться с тем, что животное остается. Для Табаты к зиме был построен специальный вольер, где она терпеливо пережидала холода. Из-за новых условий кормить животное приходилось часто, и только отборным мясом, но и здесь Вике было не к чему придаться: деньги на содержание гиены давал Эрик.

Впрочем, сама Вика была еще далека от того, чтобы признать Табату полноценным членом семьи.

Ева забрала миску с мясом и вышла с кухни, оставив Вику в одиночестве. Та невольно перевела взгляд на часы, прикидывая, сколько времени осталось до возвращения Марка.

⁵ См. роман Влады Ольховской «Предсказание покойника» (издательство «Эксмо»).

Поводов ныть и возмущаться у нее не было. Сегодня – будний день, у него нет причин возвращаться домой раньше. Он даже задержаться может, потому что у него назначено подписание очень важного договора.

Ради нее Марк переехал в Россию. Здесь он планировал открыть собственное дело, но вмешалось очередное расследование, в ходе которого они познакомились с Максимом Лисицыным⁶. Молодой парень стал наследником бизнеса своего отца и огромного состояния. Максим прекрасно понимал, что ему банально не хватит опыта, чтобы достойно распорядиться всем этим. Поэтому он попросил Марка о помощи.

Тогда все предполагали, что работа временная. Марк просто поможет Максиму разобраться, определить ориентиры, а потом займется своим делом. Но со временем стало понятно: пока что одному Максиму рано брать на себя столько обязательств. Они продолжили работать вдвоем, Марк официально стал исполнительным директором компании. Это привлекало его даже больше, чем перспектива сотрудничества с Эриком, потому что он не любил слишком тесно смешивать семью и работу.

Хотя у Вики и были основания предполагать, что от этого ему все равно уйти не придется. Она давно уже заметила, что Максим влюблен в Еву. Наивностью парень не отличался, прекрасно понимал, что ему это принесет одни проблемы. Пробовал уйти, но возвращался к ней снова и снова, что бы она ни творила. Да и Ева, кажется, начала симпатизировать ему. Поэтому Вика и не хотела загадывать, что из этого выйдет. Лично она была бы рада, если бы спокойный, рассудительный и терпеливый Максим взялся присматривать за этой психопаткой!

Из кухни Вика услышала, как заработали автоматические ворота. Значит, во двор въезжает машина! Девушка нахмурилась, поспешила к окну. Понятно, что это кто-то из своих, чужие механизм не запустят. Но в такое время никто не должен был приехать! Может, Эрик все-таки решил явиться без предупреждения?

Однако взгляд на улицу показал, что это все же не Эрик. В гараж как раз съезжала машина Марка.

Это было странно, указывало на то, что что-то пошло не так. А усталый взгляд, который он бросил на Вику, когда вошел, лишь подтвердил ее догадки – и сюрприз был не из приятных. – Сделка сорвалась, да? – спросила Вика.

Она практически никогда не вдавалась в подробности того, чем занимается Марк. То есть в общих чертах она все знала, однако детально в этом не разбиралась. Вике достаточно было помнить, что сегодняшний договор очень важен для компании. Речь шла о расширении и поглощении конкурентов, Марк почти год вел переговоры по этому вопросу! Они наконец разобрались, оставались лишь формальности. Судя по его настроению, когда он уходил на работу, то никакого подвоха не чувствовал. Напротив, радовался, что все завершилось.

И вот теперь...

– Похоже, что да, – вздохнул он. – Выпить что-нибудь есть?

Марк не относился к тем, кто от стресса избавляется таким способом. По крайней мере обычным делом для него это не было. Раз дошло до такого, причины для срыва сделки более чем серьезны.

Они прошли на кухню вдвоем. Через окно было видно, как Ева чистит снег возле вольера Табаты. Прибытие Марка она наверняка заметила, но предпочла проигнорировать.

Не говоря ни слова, он достал из бара первую попавшуюся бутылку, налил стакан и выпил залпом.

– Ну вот, а говорил, что коллекционный коньяк от партнеров – дурацкий подарок, – прокомментировала Вика. – Может, расскажешь, что произошло? Я сейчас говорю не о срыве сделки. Я тебя знаю: ты никогда не позволишь бизнесу так повлиять на себя.

⁶ См. роман Влады Ольховской «Спонсор на дороге не валяется» (издательство «Эксмо»).

Марк был профессионалом своего дела. Он умел четко разграничивать работу и личную жизнь, поэтому наблюдать, как он возвращается из офиса в таком состоянии, было непривычно и тяжело.

Он выдержал паузу, собираясь с мыслями, и лишь потом ответил:

– Сделка сорвалась, да. Но дело не в этом, а в причинах. Черт... Это вообще ведь не мое дело, но не могу перестать об этом думать.

– А поподробней нельзя?

– Владелец фирмы, которую мы хотели присоединить... Для него этот бизнес важен, он свое дело с нуля начинал. Сейчас экономическая ситуация заставила объединиться с нами, он был этому не слишком рад, но делал все, чтобы обеспечить своим сотрудникам как можно лучшие условия при увольнении. Признаюсь, это меня впечатлило. Нельзя сказать, что мы друзьями стали – ты меня знаешь, я приятельское общение с партнерами по бизнесу не практикую. Ну, кроме Максима, естественно. Но Кнорин этот... он был мне симпатичен. Хоть он и выпил моей крови немало, я могу сказать, что уважаю его.

– И что тогда тебя так расстраивает? – все еще не понимала Вика.

– Сделку не отменили, Вик. То есть не сделали это осознанно. Это произошло из-за того, что Кнорин угодил в реанимацию – сердечный приступ. Врачи даже не берутся сказать, выживет он или нет, его и так чудом откачали.

Дядьку этого, конечно, было жалко, но Вика все равно не понимала, почему это так повлияло на Марка. Да, печальная ситуация, но убиваться из-за несостоявшегося партнера как из-за родного... Это же глупость полнейшая!

И все же девушка прикусила язык, не стала озвучивать это. Неважно почему, но ему тяжело. Насмехаться над этим – не лучшая идея.

Между тем, Марк продолжил:

– Думаю, что фирму мы все равно выкупим у него или его преемника, пусть и на других условиях. А сам Кнорин вряд ли оправится.

– Я не понимаю, какое отношение все это имеет к тебе? – не выдержала Вика.

– Ко мне – ровным счетом никакого, и даже бизнесу не повредит. Просто мне по-человечески его жалко. То, что с ним произошло... жутко все это. Знаешь, что спровоцировало сердечный приступ?

– Думаю, что-то неприятное...

– Слишком мягкое определение случившегося. Он уже прибыл на переговоры, потом получил сообщение... Я его видел в тот момент, когда он получил видеосообщение. Я знал, что у Кнорина есть две дочери... Я прочитал об этом, когда собирал информацию о нем еще до начала переговоров, да и он о них пару раз упоминал. Понимаешь, когда ты кого-то любишь, высока вероятность, что рано или поздно ты его вспомнишь в разговоре, даже если непосредственно к делу это не относится...

Марк говорил больше, чем сейчас было нужно, словно не хотел переходить к рассказу о главном событии. Это навевало тревогу. Вика подошла ближе к мужу, опустила руки ему на плечи.

– Их убили сегодня, – тихо сказал Марк. – Обеих дочерей убили сегодня утром. Зарезали в лифте. Одна из них была беременна... со второй он поссорился буквально за полчаса до того, как все случилось. Я видел эту пленку, Вика, это запись с камеры наблюдения в лифте. Черно-белая, но и этого Кнорину хватило. Его дочерей убили не во время случайного ограбления или чего-то в этом духе. Это было целенаправленное нападение на них. Расправа, я бы сказал. Раз это так оперативно передали ему, понятно, кто был целью удара. Ему стало плохо, когда он смотрел это. Когда его забрали в больницу, я велел охране узнать подробности... Я надеялся до последнего, что это чей-то розыгрыш, монтаж с целью напугать его... Но это все оказалось правдой. Обеих женщин убили в их доме. Вот и все... Как я уже сказал, на бизнес это слабо

повлияет. Да, сейчас будет трудно... И все же я уверен, что мы найдем выход. Меня угнетает то, что с ним произошло. Я почему-то представил себя на его месте...

– Не нужно представлять себя на его месте. – Вика прижалась к нему, обнимая. – И смотреть эту пленку тебе не нужно было. Знаю, это она на тебя так повлияла...

– Что же еще? Она... Но я не мог не посмотреть.

– Я понимаю. Тебе надо отдохнуть и как-то отстраниться от всего этого. Ты устал, и это нормально – сочувствовать человеку в такой ситуации. Но лично к тебе это не имеет никакого отношения.

– Ты же знаешь, мысли, эмоции... их так просто не переключишь.

– Значит, переключай постепенно. Это все-таки чужая семья и чужое горе, которому ты, увы, помочь не сможешь. Кстати о семье... Где Максим? Надеюсь, он эту запись не видел?

Если Марк был настолько впечатлен пленкой, значит, она действительно представляла собой жуткое зрелище. А Максим – он гораздо более эмоциональный, хоть и старается не показывать этого. Его отсутствие настораживало Вику все больше.

– Нет, он не видел, – успокоил ее Марк. – Он поехал с Кнориным в больницу. У Кнорина давно уже проблемы с сердцем, это многим известно. Так что приступ естественный, чего не скажешь об обстоятельствах, спровоцировавших его.

– Ты говорил Максиму о случившемся?

– О дочерях Кнорина? Сказал по существу.

– Правильно сделал, – кивнула Вика. – Надо будет чуть позже позвонить ему... Хочу, чтобы сегодня он у нас переночевал.

– Почему?

– Потому что реакцию Макса на некоторые события предугадать невозможно. И когда случается нечто такое, как это убийство, возникает риск, что он захочет поиграть в героя. А в данном случае это означает влезть в жестокие разборки, которые нас ни с какой стороны не касаются!

* * *

Двор все еще был полон полицейских машин. Во дворе толпились люди – жители дома и те, которым просто было любопытно, что же произошло. Дежурные, установившие оцепление, строго следили за тем, чтобы в подъезд не проникли посторонние.

Максима бы тоже никто не пустил. Но он предвидел такие обстоятельства и созвонился со знакомым адвокатом, у которого хватало связей в полиции. Когда он приехал, его пропустили за ограждения.

Это не означало, что следователь был рад его видеть. Напротив, он всем своим видом демонстрировал, что посторонним здесь не место. Однако ссориться с протеже адвоката Даниила Вербицкого ему не хотелось. Это не удержало его от вопроса:

– Ради чего вообще нужно разглядывать место жестокого убийства? Хобби?

– Непрямая заинтересованность, – невозмутимо отозвался Максим.

Он, в отличие от своей сестры, не был склонен к преступлениям, а тем более к садизму. И в то же время, он успел стать участником такого количества расследований, что вид крови его давно не пугал. Все это – последствия и способ найти причину⁷.

Они со следователем прошли к лифту. Кабина была заблокирована на первом этаже, но эксперты уже ушли. А кровь осталась... Ее было много. Максим не видел запись момента убийства, однако по одним лишь алым потекам на стенках, потолке и полу мог догадаться, что здесь произошло.

⁷ См. роман Влады Ольховской «Спонсор на дороге не валяется» (издательство «Эксмо»).

Резня. А жертвы – две беззащитные женщины, которые вообще вряд ли знали, за что умирают.

– Кто нашел тела? – поинтересовался Максим.

– Женщина, возвращавшаяся с прогулки со своей собакой. Убийцы знали, что делали.

– А что, до этого лифтом никто не пользовался?

– Время не самое оживленное, – пожал плечами следователь. – Большинство людей уже на работе, детей на прогулку ведут позже... Так совпало. Судя по тому, как быстро и нагло это было сделано, более раннее обнаружение трупов нам бы ничего не дало.

Максим не стал даже спрашивать, видел ли кто-либо преступников. Это не шпана, а профессионалы. Они готовились к тому, что убийство будет заснято, хотели этого. Раз они так оперативно получили запись, у них был доступ к камерам. Понятно, что во всем доме они были отключены заранее.

– Но они же не в масках пришли... – пробормотал себе под нос Максим.

– Что? – нахмурился следователь.

– Они не шли в масках по улице, и момент надевания масок привлек бы слишком много внимания. Им нужно было укрыться где-то, чтобы надеть их. Необходимо обнаружить все подходящие места в доме и пути доступа туда, осмотреть их, узнать, кто что видел...

– Не нужно учить меня, – прервал его следователь. – Особенно очевидным вещам!

В этом и заключалась проблема: очевидность. Максим и сам понимал, что идет по предсказуемой дороге. Преступники – они ведь не дураки, знали, как будет проходить проверка. Они наверняка подстраховались!

Нет, следы надо искать в неожиданном направлении. Только как это сделать? Максим не льстил себе, понимал, что особого таланта у него нет. Зато есть кое-какой опыт! Он невольно попытался представить, что на его месте сделала бы Ева. Каждый раз, когда ей удавалось его удивить, она замечала лишь детали, укрывшиеся от него. Она говорила, что след есть всегда. Идеальное преступление возможно лишь тогда, когда ты заранее просчитываешь, какие следы можешь оставить, и путаешь их. Но озадачились ли этим преступники?

Максим вошел в кабину лифта, прекрасно зная, что не сможет не наступить в кровь. Это было уже неважно, если эксперты сняли все отпечатки... хотя что они найдут в лифте, которым пользуются все жители подъезда и их многочисленные гости? Следователь тоже помнил об этом, он не стал останавливать Максима, лишь наблюдал за ним с нескрываемой иронией. Судя по его взгляду, он верил, что перед ним просто богатый мальчишка, которому захотелось поиграть в настоящего детектива.

А Максим и сам толком не знал, зачем это делает, чего хочет добиться. Он ведь был почти незнаком с Кнориным, в отличие от Марка! Но его смущала наглость и жестокость преступления. Ни один бизнес не заслуживает того, чтобы за него боролись подобными методами!

– Юноша, вы здесь поселиться собрались? – не выдержал следователь. – Я, в конце концов, не нянька...

– Где идет ремонт? – осведомился Максим. – Или был совсем недавно?

– Э... что?

– Ремонт. Нужно узнать, где именно, даже если речь идет об одной из квартир. Так мы узнаем, где они ждали жертв.

– При чем тут ремонт? – опешил следователь. – Откуда вообще ремонт всплыл?

– Вот. – Максим указал на кнопку лифта, закрывающую двери.

– И что?

Удивление следователя можно было понять: кнопка была чистой. Однако то, что заметил Максим, вероятнее всего, позже выявила бы экспертиза. Но это отняло бы время, которое в первые часы после преступления всегда на вес золота.

– Вот тут, возле значка, – пояснил Максим, показывая, какую именно часть кнопки он имеет в виду. – Видите белое пятнышко? Очень похоже на шпатлевку или белила. След остался из-за выпуклой поверхности. Я больше чем уверен, что убийцы были в перчатках, а значит, белила попали на перчатку, когда преступники были готовы к нападению.

– Может, это какая-то старая грязь!

– Нет, даже невооруженным глазом видно, что она легко смывается. Да что там смывается, я готов поспорить, что, если я ее сейчас коснусь, след исчезнет! Это и указывает на то, что белила были на руках убийцы. Та женщина, что обнаружила трупы, вряд ли поехала в этом лифте на свой этаж. Следовательно, последним, кто касался кнопки закрывания дверей, был убийца. Это было нужно для нападения: вряд ли люди в масках стали бы ждать, пока двери закроются сами – жертвы ведь не молчали!

– Это вероятная теория, – признал следователь. – Но все-таки очень условная!

– А у вас есть что-то получше?

– Пока нет... Пока! Но даже если вы правы, я не понимаю, что нам это даст.

– Упростит поиск улики, – пояснил Максим. – Зная, где они находились, вы сможете либо понять, как они проникли в дом, либо выяснить, где они отсиживались. Там может быть больше следов, учитывая, что замечали их не так тщательно. Даже на отпечатки пальцев можно надеяться.

– Не думаю, что профи такого уровня допустили бы подобную глупость.

– Пусть так, но попробовать стоит. К тому же есть смысл просмотреть все записи со всех камер наблюдения. Они могли попасть в объектив, вместе или по одному, когда шли туда.

– Все это притянуто за уши! – заявил следователь. – Но если я пообещаю проверить это, вы наконец уйдете отсюда?

– Уже удаляюсь.

К упреку Максим отнесся спокойно, потому что он и сам не был уверен, что прав. Более того, он не собирался винить себя за ошибку, если угадал неправильно. Но он должен был попытаться, и он по глазам следователя понимал, что тот, несмотря на чувство протеста, делает все так, как он сказал.

Максим понимал, что шансы найти убийц невелики. Однако он хотел верить в лучшее.

* * *

Никто из окружающих не догадывался, кто он такой на самом деле. Это, с одной стороны, дарило спокойствие. А с другой – усиливало хандру. Потому что ни при этих, ни при иных обстоятельствах никому вокруг не было до него дела.

Нельзя сказать, что Кирилл часто развлекал себя такими поездками. Общественный транспорт, как и раньше, вызывал у него утомление и скуку. Но все же иногда спускаться в метро его заставляли не десятибалльные пробки, а просто настроение.

Здесь, в душных вагонах, он вспоминал времена, когда у него не было собственного элитного автопарка, последней модели смартфона в кармане и пяти карточек разных банков в портмоне. Зато были люди, к которым он ехал в этом метро. И он был счастлив.

Теперь же он ехал к себе. А точнее, на парковку, где оставил автомобиль. Его с утра клонило к меланхолии, поэтому он оставил машину у станции, в офис доехал со спешащей толпой. Правда, он не ожидал, что задержится допоздна, но и не сильно сожалел об этом. В такое время в метро было пусто, его никто не отвлекал и не беспокоил.

И все же Кирилл был не настолько фанатиком – и не настолько романтиком, – чтобы добираться до дома на общественном транспорте. Для этого ему пришлось бы дожидаться электрички, ведь жил он теперь за городом!

Он вышел из вагона, по полутемноту переходу перешел на другую ветку. Все, последняя пересадка, и до машины всего пара станций. Потом – добраться домой, забыться, и будут выходные...

Платформа почти пустовала. Поезд в другом направлении ожидала группа парней, одетых в темную кожу. В конце перрона, на котором дожидался Кирилл, целовалась влюбленная парочка. Мимо него как раз проходила одинокая женщина.

При таком обилии пространства, обычно занятого сотнями людей, казалось, столкнуться ни с кем невозможно. Но выяснилось, что он ошибся. Женщина, проходившая мимо него, вдруг пошатнулась, толкнула его в плечо, несильно, но ощутимо.

– Эй! – Кирилл повернулся к ней. – Какого черта вы творите?

Женщина отшатнулась, подняла на него бледное лицо, отмеченное заживающим синяком на скуле, вымученно улыбнулась.

– Простите, пожалуйста, я плохо себя чувствую...

– Места, что ли, мало, – проворчал Кирилл.

Устраивать дальнейшие разборки он не собирался. И не только потому, что уже подходил поезд, просто отчитывать женщину, которая меньше его в два раза, да и моложе, наверно, на столько же, не хотелось.

Они сели в один вагон. Женщина тут же устало опустилась на лавку, Кирилл остался у двери. Отсюда он мог рассматривать ее в отражении, когда поезд вошел в темный тоннель. А она этого не замечала: сидела, прикрыв глаза.

Но на нужной ему станции она встрепенулась, словно чуть не проспала, и кинулась к выходу. Ей пришлось поторопиться, и это резкое движение далось ей нелегко. Сделав два шага по платформе, женщина покачнулась и упала на мраморный пол.

– Эй! – крикнул Кирилл. Но его голос утонул в шуме отъезжающего поезда.

Кроме них, на платформе никого не было. Женщина лежала у колонны, и Кирилл не знал, заметили ли ее дежурные. Он не обязан был подходить, мог бы просто сказать о случившемся персоналу. Но он почему-то решил поступить иначе – причину он и сам не брался назвать.

Кирилл подбежал к ней, приподнял. Она была совсем легкой, и он только теперь заметил, что пальто у нее слишком легкое для зимнего сезона.

Женщина, несомненно, была жива, дышала часто и тяжело, веки ее нервно подрагивали. Кирилл осторожно похлопал незнакомку по бледным, словно полностью лишенным крови щекам. Большие карие глаза медленно открылись.

– Кто вы? – прошептала она. – Что происходит?

– Вы мне скажите, – ворчливо отозвался Кирилл. Раздражение было его привычной реакцией на любую непонятную ситуацию, на самом же деле он сочувствовал своей случайной попутнице.

– Я...

– Давайте я вас провожу до дежурной, она врача вызовет.

– Не надо врача. – Женщина попыталась подняться, и это у нее получилось, но с очевидным трудом.

– Откуда такая нелюбовь к медикам?

– Медики тут ни при чем. Я не больна. Только на скандал с ними нарвусь... У меня сил на это нет!

– Не больны, значит... И часто вы в метро на пол падаете?

– Устала просто. – Она смущенно отвела взгляд. – Сильно устала. Но врача не надо!

– Ну, не надо, так не надо. Давайте я отвезу вас домой.

– На чем, на метро?

– На машине, – невозмутимо пояснил Кирилл. – Мой автомобиль припаркован наверху.

Так будет безопаснее.

– Я не хочу вам навязываться, вы что! Вы и так мне помогли, я благодарна. А теперь давайте разойдемся!

Она попыталась бодро уйти прочь – не вышло. У нее получилось пройти шагов пять от силы, прежде чем она вновь начала заваливаться. Кирилл знал, что так будет, и успел подхватить ее.

– Эй, что тут происходит? – возню на станции наконец заметил полицейский, сонный и от того уже разозленный.

– Ничего, жене стало плохо, сейчас вынесу на свежий воздух – полегчает! – заявил Кирилл, поднимая ее на руки.

– Это ваша жена? – недоверчиво покосился на него дежурный.

Если бы женщине сейчас вздумалось проявить патологическую честность, у них возникли бы проблемы. Но она лишь опустила голову и промямлила:

– Да, все в порядке...

– Вы уверены? – уточнил полицейский.

– Как я могу быть не уверена в том, является человек моим мужем или нет?

– А кольцо на пальцах почему нет?

Дотошный какой попался! Видимо, мнил себя несостоявшимся следователем.

– У нас гражданский брак, – огрызнулся Кирилл. – Хватит нас задерживать!

Он показательно пронес женщину через всю станцию на руках и лишь возле эскалатора поставил на пол. Она, краснея, продолжила идти за ним. Обратного пути для нее все равно не было: не могла же она при полицейском бросить «мужа»!

Наверху их встречала дурная погода: снова пошел снег, колючий и мелкий, ветер налетал с яростью голодной дворняги, – Кирилл поспешил подвести спутницу к своему автомобилю, открыл перед ней дверцу. Лишь после того, как она села в салон, он занял водительское кресло.

– Видите, не такой я страшный, как вам казалось, – улыбнулся он, стараясь разрядить атмосферу. – Куда вас везти?

– Никуда... – еле слышно произнесла она. – К остановке какой-нибудь подвезите, дальше я сама.

– Да не упрямысь ты! – не выдержал Кирилл. – Я отвезу домой, и все, квартиру твою грабить не буду! Называй адрес.

– Вы не поняли, – грустно усмехнулась женщина. – Я не называю адрес не потому, что боюсь вас. Мне просто нечего называть.

– Как это?

– А вот так. У меня нет дома, и идти мне некуда.

– Тогда что вы делали в метро?

– Грелась. Я собиралась оставаться там, пока поезда еще ходят, а потом... может, на вокзал поехать. Там, конечно, высока вероятность, что прогонят, но есть смысл попытаться. Если вам нетрудно, отвезите на вокзал, пожалуйста.

Кирилл снова осмотрел ее. Женщина была изможденной и уставшей, но на типичную бродягу не походила. У нее не было той характерной одутловатости, которую с годами зарабатывают хронические алкоголички. Да и одежда ее, пусть и несоответствующая сезону, была опрятной.

Словом, рядом с ним сидела не бомжиха. А кто... он уже понял, что она не скажет. Даже до смерти уставшая, она будет упрямыться до последнего.

Это была не его проблема, и решение, которое он принял, самому Кириллу казалось диким. Но он привык доверять своей интуиции.

Он завел мотор, и автомобиль двинулся с места, легко преодолевая снежные заносы.

Первое время они ехали молча. Женщина сидела, насупившись, но скоро задремала... А проснувшись, сразу начала беспокоиться.

– Что это? Где мы? Это не дорога на вокзал!

– Я и не сказал, что мы едем на вокзал, – спокойно произнес Кирилл, глядя лишь на дорогу. – Мы вообще уже из города выехали.

– Вы меня похитили?!

– В гости пригласил. Теперь успокойся и не закатывай истерику. Переночуешь у меня, завтра отвезу в город, там сама думай, как тебе быть. Если ты сейчас воображаешь себе изнасилование, страшные пытки и вечное рабство, то спешу тебя разочаровать: не будет этого. Я предоставлю тебе свободную комнату, и до утра мы не увидимся.

Она не стала отвечать, но, судя по взгляду, не сильно ему и поверила. Ее сонливость как рукой сняло, всю дорогу она сидела рядом с ним нахохлившимся воробышком, однако не паниковала. Кириллу этого было достаточно.

А свое обещание он сдержал до последнего слова. Показал ей кухню, гостевую комнату, выдал полотенца и попрощался. Ключ он оставил во входной двери и потом долго прислушивался: попробует она сбежать или нет?

Но женщина из спальни так и не вышла. Судя по всему, усталость в ее случае оказалась сильнее страха. Еще час из-под двери в гостевую комнату пробивался свет, потом погас. Она уснула.

И только тогда он понял, что не спросил ее имя.

Глава 2

К утру настроение было получше. Такое с ним часто бывало: а ночью будто происходила перезагрузка. Мыслей, энергии, эмоций... Проблемы, которые накануне казались нерешаемыми, теперь разом теряли свой угрожающий вид.

А в данном случае ему вообще не нужно было ничего решать. От Марка требовалось лишь посочувствовать и на время отстраниться от сложившейся ситуации. До Нового года точно ничего не изменится, никто не будет заключать сделку в любом виде. А уже с января нужно снова прощупывать почву.

Он знал, что компания потеряет на этом деньги. Но финансовый удар не был критичным, Марку и раньше приходилось перераспределять бюджет. Высшее руководство компании не получит тринадцатую зарплату – переживут как-нибудь.

Словно желая поддержать его хорошее настроение, погода с утра баловала солнцем. Оно серебрило снег во дворе и на кустах, лежавший на них тяжелыми шапками. Вика вроде бы вчера говорила, что двор нужно украсить... Тогда это казалось необходимостью, а теперь Марку и самому хотелось сделать нечто подобное. Лучше сосредоточиться на празднике, чем думать о вчерашнем дне!

Когда он спустился на кухню, Вика уже была там – возилась с соковыжималкой. Увидев его, девушка улыбнулась, хотя во взгляде ее все еще читался вопрос. Ну еще бы, вряд ли она забыла его вчерашнее состояние!

– Мне лучше, – отрапортовал Марк. – Извини, не хотел тебя огорчать.

– Ты не огорчил. Ты не обязан постоянно быть счастливым болванчиком, я бы на твоём месте еще тяжелее все восприняла, так что ты молодец. Что теперь будешь делать?

– Это я в понедельник решу, – отмахнулся Марк. – Тогда, думаю, более понятной станет ситуация с самим Кнориным.

– Но расследование?.. – Она посмотрела на него испытующе.

– Шутишь, да? Не будет никакого расследования, по крайней мере с моей стороны.

– Рада это слышать. Потому что, как видишь, Максим вчера так и не пришел.

В отличие от жены, Марк не видел в этом ничего страшного и не считал, что Максиму обязательно нужно ночевать под их кровом. Большой мальчик все-таки! Из-за стечения обстоятельств, да и по милости Евы, он уже многое пережил, так что с трудностями справляться умеет.

– Мы с ним разговаривали вчера по телефону, – продолжила Вика. – Он казался спокойным.

– Вот и оставь его в таком состоянии. Захочет – сам приедет.

– А чего ему выходные в одиночестве проводить?

– Может, не в одиночестве. Поедет в клуб, найдет себе нормальную девушку и будет счастлив.

– Да, конечно...

Чувствовалось, что от беспокойства она не избавилась, но тему закрыла. Ведь было бы действительно странно, если бы она только о Максиме и говорила. Марк подозревал, что при таком раскладе его хорошее настроение долго не продержится!

Вика приготовила ему завтрак, а сама направилась отбирать новогодние украшения, те, что подходили для улицы. Идея украсить двор вместе ей понравилась, нечто подобное должно было отвлечь их обоих.

Но выйти из дома они так и не успели. Марк как раз выносил коробки в прихожую, когда в дверь позвонили. Конечно, сам по себе этот факт не был поводом для беспокойства.

Время было вполне «гостевое», заявиться к ним мог кто угодно: соседи, тот же Максим, да хоть рекламный агент! Поэтому дверь мужчина открывал уверенно и свободно.

А увидев, кто стоит на пороге, не поверил своим глазам. Гость был ему прекрасно знаком, в принципе этого человека он всегда был рад видеть. Но уж слишком неожиданным оказалось его появление!

– Матиас?.. – оправившись от шока, спросил Марк.

– Собственной персоной, – отозвался гость, привычным движением откидывая с лица пряди рыжих волос.

Матиас Штайн был одним из немногих, кого Марк мог назвать своим настоящим другом, достойным доверия на все сто. Они были знакомы много лет, еще до того, как начались все эти детективные истории.

Именно Матиас способствовал его знакомству с Викой. Сам Штайн, убежденный холостяк, не был сторонником моногамных отношений, но друга тогда поддержал. Не оставил он Марка и позже, когда в его настоящее внезапно влезла бывшая жена. Матиас был первым, кто заподозрил неладное, и за это едва не поплатился жизнью.

Однако в последние годы они общались все меньше. Логично было бы предположить, что это произошло из-за переезда Марка в Россию и начала семейной жизни. Однако он подозревал, что не все так просто. Что-то произошло между Матиасом и Евой, спасшей ему жизнь, – что-то такое, что было Марку не совсем понятно. Он лишь чувствовал, что ему не нравятся эти отношения, некое нездоровое, слишком накаленное напряжение, существующее между этими двумя. Он был рад, что Матиас исчез с горизонта, хотя совесть периодически покаявала его за такое отношение к старому другу.

И вот Матиас снова стоял перед ним. Он совсем не изменился за последние два года: та же светлая кожа, покрытая россыпью веснушек, рыжие волосы и зеленые глаза. Осанка ровная, улыбка кошачья – словом, человек, у которого в жизни все в порядке. Так что предположить, что его сюда пригнала беда, не получалось.

– У тебя такое лицо, будто ты всех своих бывших одновременно увидел! – хохотнул Матиас. – Я не вовремя?

– Нет, все в порядке. – Марк посторонился, пропуская его в дом. – Я просто не ожидал! Ты вообще-то не на соседней улице живешь!

– Но на одном континенте, – отозвался немец. – Остальное в нашу эпоху самолетов решается быстро. Честное слово, я в Москву долетел быстрее, чем сюда через пробки добирался!

– А что ты хотел – снег!

– Снег зимой? Потрясающая новость для матушки России!

– Не ерничай.

Вика должна была заинтересоваться происходящим, просто не могла это обойти. В своем предположении Марк оказался прав: очень скоро девушка выглянула из гостиной.

Она, в отличие от него, никаких сомнений не испытала. Увидев Матиаса, она широко улыбнулась и подалась вперед, чтобы обнять гостя.

– Мати! Вот так сюрприз!

– Ну, слава богу! – засмеялся Матиас. – Хоть кто-то рад меня видеть!

– Да я тоже рад, просто... Это слишком уж неожиданно!

– Для меня в некотором смысле тоже, – признал Штайн. – Мне почему-то вчера показалось, что это хорошая идея... Выходит, ошибся.

– Да не ошибся ты, издеваешься? – вмешалась Вика. – Мы тебе всегда рады, тем более не общались давно! Надеюсь, ты к нам на праздники?

– Ну, идея была в этом, но, судя по выражению лица Марка, домой я полечу сегодня.

– Хорош к моему лицу цепляться, – оскорбился Марк. – Теперь ты просто обязан остаться! На Рождество как минимум, а там посмотрим.

– Звучит как захват заложника...

– А ты на что надеялся? Приехал – пеняй на себя!

– Ладно, вы здесь воркуйте, а я пойду гостевую комнату приготовлю, – заявила девушка. – Чтобы Мати нормально отдохнул с дороги!

– Буду признателен.

Они оба наблюдали, как она уходит. Точнее, Марк делал вид, что смотрит на нее, но украдкой косился на старого друга. Он все надеялся найти подвох, скрытые следы тревоги или серьезной беды.

Однако Матиас выглядел как обычно. Да хорошо выглядел! Улыбчивый, без теней под глазами и потухшего взгляда.

Впрочем, заметив реакцию Марка, он посерьезнел.

– Давай начистоту, – предложил Штайн. – Мне казалось, что между нами все в норме, мы не ссорились. Но если ты хочешь, чтобы я уехал, так и скажи. Я прямо сейчас возьму сумку и уйду, даже с Викой объясняться не придется.

Его реакция окончательно смутила Марка:

– Да ты все не так понял! Я рад тебе, и Вика тоже. Будет действительно круто, если ты встретишь с нами праздники. Но я сейчас о другом думаю – и, честно, побаиваюсь этого.

– Чего же?

– Это ведь не она тебя пригласила? – Марк заглянул собеседнику в глаза.

Матиас выдержал этот взгляд спокойно. Его голос по-прежнему звучал ровно, ни один жест не выдал не то что ложь – сомнение даже.

– Нет. Она не имеет к этому отношения. Я общался с Евой... ты знаешь когда. Это был последний раз.

– Я знаю. Но и ты пойми, почему я спрашиваю...

– Я все понимаю, да и догадываюсь, чего можно ожидать от Евы. Но не преувеличивай ее влияние на меня! Да и нет никакого влияния по большому счету. Я не знаю, что случилось тогда. Я не про само событие, а то, что было между нами. Я этого так и не понял. Но приехал я не потому.

– А почему, если не секрет?

– Не секрет, – вздохнул Матиас. – Хотя я этого еще сам не осознал. Мне вдруг одиноко стало до чертиков, веришь? Вроде как все идет стабильно, даже хорошо. Бизнес у меня процветает, с красавицами везет – все спокойные, понятливые, смысленые. Ни на одну психопатку больше не нарвался! Но тут... Черт, старею. Но когда опять начались все эти рождественские ярмарки, подготовка, все о семье заговорили... когда даже девочка, на которую я делал ставку, извинилась и сказала, что хочет встретить праздник с родителями... Я понял, что в моей жизни что-то не так. Тут не в девочке дело – я всегда могу найти другую, они в период кризиса дешевы. Дело во мне! Я почувствовал, что недоволен собой. А мне всегда важно было, чтобы я чувствовал себя уверенно в этом плане! Мне плевать, что обо мне другие говорят... Я задумался о том, кто из моих знакомых живет правильно, кто в этой жизни нужный выбор сделал. Я сразу вспомнил тебя... Решил: гори оно все синим пламенем, еду! Опять же, вчера это казалось мне удачной идеей.

Марк его понимал. Кому-то другому рассуждения Матиаса показались бы капризами избалованного судьбой миллионера. Однако Марк и сам прошел нечто подобное. Бывает чувство внутренней пустоты, которое невозможно забить вещами, деньгами и развлечениями. Там должна быть связь с другими людьми, настоящая, глубокая, а если ее нет, пустота разрастается.

Это не значит, что Матиас полностью сменил приоритеты и пустил жизнь в новое русло. Но сейчас, в этот момент, ему нужна поддержка. Может, с этого и начинаются перемены!

– Оставайся, – твердо произнес Марк. – Я сам себя не прощу, если ты не останешься – буду думать, что лучшего друга из дома зимой выгнал!

– Драматично, – оценил Штайн. – Но я прекрасно знаю, почему ты насторожился. Пока я летел сюда, я тоже много думал об этом... О том, что случилось между мной и Евой.

– Да? И что надумал? Не сочти за излишнее любопытство, но мне и правда важно знать.

– Это не повторится, – пообещал Матиас. – Я не буду полностью игнорировать ее, конечно, только ссор на пустом месте нам не хватало! Надеюсь, и она меня не прибьет между делом. Но я все сделаю для того, чтобы прошлые события не перекечевали в настоящее.

– Думаю, у тебя получится, – кивнул Марк. – Ева тоже изменилась.

Последний факт он надеялся проверить, ситуация для этого сложилась отличная. На момент прошлой встречи с Матиасом Ева действительно была другой. Уже более контактной, но еще диковатой, слишком увлекающейся собственными порывами.

Если сейчас ей хватит самообладания, чтобы держаться от гостя подальше, значит, и о полном выздоровлении можно помечтать!

* * *

Следователь оказался человеком благодарным. Максим думал, что без мотивации со стороны высокопоставленного начальства он и пальцем не пошевелит – и ошибся. Потому что телефонный звонок раздался уже на следующее утро.

– Мы обнаружили, как они попали в здание, – отчитался следователь. – Благодаря вам обнаружили, потому и звоню.

– Нашли, где ремонт был? – тут же догадался Максим.

– Да, в подвале здания. Причем ремонт непростой, из-за чрезвычайной ситуации. Две недели назад в доме случился прорыв труб водоснабжения, горячая вода фонтаном до четвертого этажа поднималась. Подвал тогда изрядно подмыло, пришлось срочно чинить. В бригаде было трое человек, не четверо, но по росту и комплекции они совпадают с убийцами. Во время ремонта был проведен подкоп из подвала соседнего здания. Камеры преступники отключали из пункта наблюдения, причем до проникновения в сам дом. Вы понимаете, что это значит?

Максим понимал, и это его не радовало.

С самого начала было понятно, что убийством сестер Кнориных занимались подготовленные люди. Но теперь преступление вышло на совершенно иной уровень. Раз они знали обо всех особенностях состояния подвала, то и аварию устроили они. Это требовало тонкого расчета, мастеров своего дела и – денег. Много, много денег.

Вот тут ситуация и заходила в тупик. Алексей Кнорин, с которым они собирались заключить договор, управлял фирмой среднего размера. Это, конечно, не лавочка на рынке, но и не концерн. Этим нелепо жестоким убийством организаторы добились лишь того, что фирма потеряла своего руководителя и основателя, но существовать не перестала! И вероятнее всего, ей все равно предстояло слияние с компанией Максима.

Получается, итог кровавых действий минимален. Да, компания потеряла какие-то деньги, фирма Кнорина тоже потерпит убытки и лишится части привилегий. Но речь идет о суммах, несравнимых с затратами на убийство!

Так что объяснить чудовищное преступление экономической выгодой было проблематично. Личная неприязнь... Эта причина казалась более вероятной. Кнорин не относился к тем, кто идет к своей цели по головам, но и он не ангел. Кого он мог оскорбить? Кого подставить? В любом случае это должен быть очень богатый и жестокий человек.

А таких не было среди врагов и просто знакомых Кнорина. Он общался преимущественно с бизнесменами средней руки, своего уровня, иногда – чуть выше. Но это «чуть выше» все равно накладывало финансовые ограничения на возможную месть. Да и потом, все это были обычные люди, с детьми, нормальной жизнью, а не откровенные психопаты.

Максим все равно искал. Это была поверхностная проверка, и она не приносила никаких результатов... А должна была! Он увлекся настолько, что перестал следить за временем. О реальности ему напомнил лишь звонок мобильного телефона.

– Да, – ответил он, не отрывая взгляда от бумаг.

– Ну привет тебе, – прозвучал на другом конце голос Марка. – Ты куда пропал?

– Что значит – куда пропал? Дома я, а вчера мы виделись.

– Это понятно. Но обычно ты по выходным заезжаешь к нам, а тут уже почти два часа дня – а от тебя ни слуху ни духу.

Два часа? Это для Максима стало откровением, он думал, что еще не больше полудня.

– Я немного занят, вот и не поехал.

– Это чем же?

– Просматриваю, с кем был знаком и с кем враждовал Кнорин.

В рубке наступила тишина. Пауза затягивалась, словно Марк пытался подобрать нужные слова.

– Зачем тебе это? – наконец спросил он. – Ты с ним толком знаком не был и ту запись не видел! Куда ты лезешь?

– Мне не нужно видеть запись, чтобы понимать, что там произошло. Я на место преступления ездил. Вообще, это очень запутанная ситуация: замешаны чудовищно большие деньги и...

– Так, Макс, стоп! Включай задний ход. Ты себя вообще со стороны слышишь?

– Не имею такой привычки, – пробурчал Максим. – На паранойю смахивает.

– А пора бы завести! Не паранойю, в смысле, а привычку. Я ведь серьезно спросил: зачем тебе это? Я понимаю, что в прошлом ты волей обстоятельств участвовал в расследованиях. Но не надо делать это нормой для себя! Те времена кончились, ты не следователь и не частный детектив. Ты бизнесмен, наследник своего отца! Лучше сосредоточься на том, что тебе действительно полагается делать.

– А я от этого и не уходил. Но сегодня выходной, и я могу сделать паузу и не быть наследником своего отца хотя бы два дня. Тебя это устраивает?

– Меня бы это устраивало, если бы ты полноценно отдыхал, – не сдавался Марк. – А так ты какой-то ерундой занимаешься! Причем опасной ерундой.

– Что здесь опасного? Я работаю с общедоступными данными.

– Ага, знаю я эти общедоступные данные! С них все и начинается. Потом ты докопаешься до чего-то серьезного, полезешь дальше... И огребешь по полной. Скажи, хоть раз такое было, чтобы кто-то из нас влезал в расследования и выходил сухим из воды?

– Я помочь хочу, там семья обеих дочерей потеряла!

– А тебя просили об этой помощи? Может, ты только хуже сделаешь.

– Пока я делаю лучше! Я заметил то, что следователи упустили, и это принесло плоды!

– Что и требовалось доказать, – вздохнул Марк. – Ты уже заигрался. А дальше что будет? Лучше бросай это дело и приезжай к нам. У нас тут гость, познакомишься. Что же до Алексея, то мне его безумно жаль, но я понимаю, что это его жизнь. Что бы мы ни сделали, мы ему не поможем.

– Ты, конечно, прав, – признал Максим. – Но просто взять и бросить я не могу. Можешь не волноваться, слишком глубоко я не полезу. Посмотрю, что могу сделать за выходные, сделаю это – и на том остановлюсь. На работе можешь устроить проверку.

– Макс, что за дела?

– Да ничего. Не веди себя как Вика! Нет какой-то тайной причины. Просто не хочется сегодня к вам ехать. Или я обязан?

– Не обязан, конечно... Суди сам, большой уже мальчик. Но если что – звони, ты же знаешь, что тебе тут всегда рады.

– Я знаю.

Марк завершил разговор. После этого Максу стало спокойней – раз не стал допытываться, значит, ложь не заметил.

Максим не любил врать, но иногда, в таких вот случаях, приходилось. Потому что правду он сказать не мог. Он и сам в ней разобрался только что! И помог ему как раз Марк...

«Ты к нам приезжаешь каждые выходные» – в реальности так и было. Когда прекращались будние дни, ничто не могло отвлечь Максима от внутреннего чувства одиночества. А на роль семьи подходили только эти люди... больше никого не осталось. Поэтому он собирался и ехал туда. Отдыхал от одиночества и втайне надеялся, что, может, Ева начнет вести себя иначе.

А сегодня ему не хотелось, чтобы было так. Не было у него желания знакомиться с этим их гостем и снова развлекать Еву. Неважно, что Алексей Кнорин ему чужой, да и убитых он лично не знал. Он уже сумел быть полезным для расследования! Что, если он сможет найти что-то еще?

Одна деталь, обнаруженная вовремя, способна все изменить. Ну а от того, что он поехал бы в дом Азаровых, пользы не было бы никому.

Был и еще один момент, в котором Максим бы не признался – надежда, которую он лелеял в глубине души. Получается, что в эти выходные он не увидится с Евой, к ней вообще никто не придет. Вероятность того, что она заметит это и почувствует грусть из-за его отсутствия, крайне мала.

Ну а вдруг?..

* * *

Запах кофе разносился по просторному дому, проникая в приоткрытые двери, просачиваясь в замочные скважины. Уютный, теплый запах, какой появляется, только если варить кофе в турке, а не лениво нажимать на кнопку кофемашины. Он удивительно точно подходил к яркому морозному утру за окном.

Сюрприз был приятным, но от этого не менее удивительным. Кириллу несколько боязно было поверить, что день действительно начинается так... правильно.

Засыпая накануне ночью, он винил себя за опрометчивость и наивность. Он подобрал в метро какую-то тетку, привел в свой дом, не запер даже. Что, если она психопатка или преступница? Он вполне допускал, что утром обнаружит обчищенный дом. И то если повезет! А если не повезет – нож у себя в спине.

Однако реальность оказалась гораздо более привлекательной. Кирилл даже долгое время не решался встать с кровати, чтобы не спугнуть момент и не разочароваться в нем.

Когда он все-таки спустился в кухню, оказалось, что его толкование ситуации было вполне правильным. Вчерашняя незнакомка возилась на кухне, что-то готовила.

Сюда она пришла без своего вчерашнего пальто. На женщине было трикотажное платье длиной до колена, недорогое и старое, но аккуратное. Похоже, за вещью она следила, да и в целом отличалась чистоплотностью.

– Доброе утро, – поприветствовал Кирилл. – Как прошла ночь?

Услышав его голос, женщина вздрогнула, резко повернулась к нему.

– Напугали... – растерянно улыбнулась она.

– Извините, не хотел.

– Да ничего, ничего! Вы же у себя дома. Я до сих пор не знаю, как благодарить вас. Я понимаю, что мне не следовало даже входить сюда без вашего разрешения, не то что трогать что-то. Но мне так хотелось вас отблагодарить! Кофе почти готов.

– Я подожду.

Кирилл сел за стол, используя первую возможность хорошо рассмотреть ее – для этого хватало света. Отдых определенно пошел женщине на пользу: исчезла нездоровая бледность, а с ней и мешки под глазами. Стало видно, что его новая знакомая молода, ей немногим больше тридцати. Она отличалась аристократичной белой кожей, сразу привлекавшей к ней внимание. Тонкое лицо с маленьким носиком и красивой формы крупными губами обрамляли темные волосы, вившиеся мелкими кудряшками, большие карие глаза смотрели благодарно и чуть настороженно. Над верхней губой разместилась аккуратная родинка.

Мужчина был убежден, что никогда не встречал ее раньше. И все же было ощущение, что они уже знакомы...

Она чем-то неуловимо напоминала его жену.

– Я правда вам благодарна. – Женщина нервным жестом убрала непослушную прядь за ухо. – Простите, если чем-то оскорбила вас. Я даже не помню, что я вам говорила... Это глупо, но уж как есть... я так устала... Надеюсь, я не сказала что-то слишком глупое или грубое?

– Даже близки к этому не были, – заверил ее Кирилл. – Я, когда устаю, тоже не являюсь образцом жизнерадостности.

– Я могу как-нибудь отблагодарить вас?

– Можете начать со своего имени, я его до сих пор не знаю.

– Неловко-то как! – всплеснула руками женщина. – Меня зовут Инесса.

– Кирилл.

Она поставила перед ним чашку, полную кофе. Напиток еще дымился жаром, но это было Кириллу привычно, он все равно сделал осторожный первый глоток.

– Я не знаю, как вы делаете обычно, – поспешила сказать она. – Что-то добавить? Сахар, молоко?

– Ничего не нужно, все идеально.

Он не кривил душой и не стремился польстить ей. Каким-то образом, даже не зная, что он любит, Инесса угадала с крепостью кофе. Это впечатляло. До нее только один человек все делал так безупречно...

– Присядете со мной? – Кирилл указал на пустой стул с другой стороны стола. – Думаю, мы с вами оба заслужили простой откровенный разговор.

– Да, наверно... Не судите строго, но я еще чувствую себя не в своей тарелке. То есть я и есть не в своей тарелке, и я...

– Не переживайте так, – прервал ее мужчина. – Вы – моя гостья, а значит, можете чувствовать себя здесь совершенно свободно.

– Но я не хочу стеснять ни вас, ни вашу семью!

– У меня нет семьи. – Он произнес это ровно, без эмоций, потому что не мог себе их позволить. Перед ним сидела незнакомая женщина, которой дела не было до его прошлого. – Я живу один, и меня вы точно не стесните, даже если очень захотите. Но я не могу не спросить... Что с вами произошло? Вчера в метро вы сказали, что дома у вас нет и ехать вам просто некуда...

– Это правда. – Инесса смущенно опустила голову. – Если бы не вы, мне пришлось бы ехать на вокзал...

– Тем не менее вы не похожи на человека без определенного места жительства...

– Пока не похожа. Я ведь совсем недавно такая! Если все пойдет по тому же сценарию... Боюсь, я сама себя не узнаю.

– Так что с вами произошло?

Он понимал, что лезет в ее личную жизнь. Даже то, что он приютил женщину в своем доме, не давало ему такого права: она-то ни о чем не просила! И все же Кирилл не мог избавиться от ощущения, что Инесса хочет рассказать об этом.

Интуиция его не подвела. Не сразу, лишь после долгой паузы, но женщина все же заговорила.

Инессе не везло практически с самого детства. Она росла без отца, с запойной матерью, которую судьба дочери не заботила. Жили вдвоем в небольшой комнате в коммуналке, где постоянно мелькали дружки и собутыльники матери. От их пьяного внимания девочку спасало только малолетство, но и это не могло длиться долго – росла она симпатичной. Впрочем, до того, как успело случиться нечто такое, что не забывается всю жизнь, произошло совсем другое горе – умерла мать Инессы.

Родственников, способных взять опеку над ребенком, не нашлось, и Инесса оказалась в детском доме. Там легко было уподобиться собственной матери... Многие и пить, и курить начинали, несколько молоденьких девушек ходили с беременными животами до окончания девяти классов. Но Инессе как-то удавалось избегать всех этих сомнительных соблазнов. Она слишком хорошо помнила, какой была ее жизнь до детдома, и не хотела повторения кошмара.

Когда ей исполнилось восемнадцать, она вернулась в ту самую комнату в коммуналке, которая полагалась ей по закону. Инесса твердо намеревалась пойти учиться на швею, работать, может, накопить на собственную квартиру...

Однако всем этим амбициозным с точки зрения молоденькой девушки планам не суждено было сбыться. Потому что Инесса влюбилась. Она, в отличие от своих соседок по детскому дому, не поддавалась ни модным веяниям относительно сексуальной свободы, ни инстинктам. Она всегда хотела любви настоящей, это тоже было для нее важным элементом нормальной жизни.

Ее внимание привлек сосед по коммуналке, молодой студент, которому комнату купили родители. Инесса тогда решила, что это за большие заслуги и от любви. Лишь много позже она узнала, что семейство просто хотело выпроводить отпрыска, потому что находиться с ним под одной крышей стало невозможно.

В первое время после знакомства Дима удачно скрывал то, что выводило из себя его родителей. Он был джентльменом и рыцарем в одном флаконе. Мотивация вопросов не вызывала: Инесса была самой красивой девушкой, проявившей к нему внимание. А она, напрочь лишенная практического жизненного опыта, млела от его ухаживаний. Кафе, кино, цветы, а потом – лепестки роз на кровати и зажженные на подоконнике свечи. Инесса была убеждена, что ее любимому Диме все это нравится, подобные поступки для него естественны.

Встречались они недолго, поженились быстро. Церемония была тихой и поспешной: никаких тебе белых платьев и лимузинов, зашли, расписались, потом посидели в ресторане. Инессу это не обидело, она очень трепетно относилась к деньгам и понимала, что роскошное торжество они себе позволить не могут. Она все равно была счастлива.

Счастье закончилось, когда она узнала, почему у Димы не было близких друзей и даже его собственные родители его побаивались. Молодой человек отличался нездоровой вспыльчивостью. Ухаживая за Инессой, он сдерживался изо всех сил, хоть это и давалось ему нелегко. А когда она стала его женой, он сдерживаться перестал.

Его гнев могло вызвать что угодно – от вчерашнего обеда до несвоевременной, как ему казалось, улыбки жены. В такие моменты он орал, колотил кулаком в стену... потом бил Инессу. Сначала вроде как извинялся, клялся, что этого не повторится. Но потом понял, что девушка от него никуда не денется... и что бить ее ему нравится.

А Инесса просто не знала, что делать. Идти ей было некуда – ее комната находилась тут же, за стеной, не спрячешься! К тому же она отказывалась верить, что любовь ее оказалась всего лишь иллюзией. Она убеждала себя, что если чуть-чуть потерпеть, быть с ним ласковой и нежной, то он образумится и перестанет нападать на нее.

Заступаться за Инессу никто не собирался. Родители Димы, хоть и знали своего сыночка, тайне верили, что, раз девушка сама выбрала такую судьбу, пусть терпит. Да и кому еще она

нужна, детдомовка без образования? Пусть спасибо скажет, что он ее содержит! Соседи же затаили на нее злобу еще с тех пор, как она вернула себе комнату – они-то уже использовали освободившуюся жилплощадь!

Вскоре Инесса забеременела, и на тот момент это было для нее чудом и спасением. Вот-вот должно было появиться на свет существо, которое будет любить ее всегда! Да и потом, девушка была убеждена, что, увидев крошечного младенца, Дима обязательно остепенится, найдет новые ценности в жизни.

Чуда не случилось. В очередном приступе ярости Дима ударил жену слишком сильно... Потом, в больнице, приходя в себя после выкидыша, Инесса сквозь слезы доказывала врачам, что просто упала.

Она не ушла, потому что начинать жизнь с нуля было страшно. Она уже хорошо знала мужа и могла сказать, что при разводе он ей не то что выплачивать ничего не станет – свое забрать не даст. А жить самостоятельно Инесса боялась. Ей казалось, что она умрет в первый же день без него! Дима тогда понял, что она будет с ним, несмотря ни на что. Это не умилило его, скорее, окончательно развязало руки. Теперь соседям все же приходилось иногда вмешиваться, потому что иначе они оказались бы в одной квартире с трупом.

Вторая беременность Инессы тем не менее оказалась куда более успешной. Родилась девочка. Правда, дочь родилась с болезнью Дауна. И Дима, который на определенное время даже увлекся мыслью об отцовстве, мгновенно потерял к ней интерес. Более того, она его раздражала. Ему было стыдно за то, что дочерью нельзя похвастаться, ее даже показать знакомым нельзя!

Инесса старалась заступаться за малышку. Если девочка вызывала у отца гнев, женщина брала удар на себя – в прямом смысле слова. Однако это удавалось ей не всегда. Она ходила по магазинам, оплачивала счета, словом, покидала дом. В эти моменты дочь и отец были наедине. Инесса была не рада такому повороту, но и поделаться ничего не могла; ей только и оставалось, что успокаивать себя. Это его родной ребенок, не убьет же он малышку!

Но, вернувшись однажды домой, Инесса обнаружила в квартире медиков и полицию. Дима торопливо объяснял им, что дочка просто играла и упала... Ей он старался доказать то же самое. Но она не верила.

Тем не менее сообщать правду полицейским Инесса не собиралась. Во-первых, никто бы ей не поверил: Дима имел в их глазах гораздо больший авторитет. Во-вторых, женщина не считала, что имеет на это право. Она была виновата в смерти дочери не меньше, чем муж, ведь она оставила их вдвоем, прекрасно зная, на что он способен.

Поэтому она решила наказать себя и одновременно покончить с прежней жизнью. Инесса ушла из дома в чем была, никого не предупреждая. Она понятия не имела, как выживет на улицах... да и выживет ли вообще. Находиться под одной крышей с убийцей своей дочери она не могла.

Она скиталась по вокзалам и метро, ела совсем мало. Какие-то деньги у нее с собой были, но они стремительно заканчивались, а просить милостыню Инесса не умела. Она понятия не имела, что с ней будет... а потом встретила Кирилла.

Ее история казалась невероятной. Вернее, она казалась *маловероятной*. Кирилл не мог поверить, что кто-то способен столкнуться с таким количеством испытаний и остаться нормальным человеком. Но Инесса не просто рассказывала ему об этом, она показывала синяки, заживающие ссадины и даже шрамы, покрывающие ее тело. Многие из них были старыми, зажившими, доказывавшими, что Дима действительно отличался суровым нравом.

О своем прошлом Инесса говорила с тихим смирением. Она не пыталась переложить всю вину на бывшего мужа или пожаловаться. Она лишь обозначала факты. То достоинство, с которым она это делала, подкупало.

Еще до того, как она закончила рассказ, Кирилл знал, что предложит ей остаться.

Глава 3

В доме было тихо и спокойно. Поначалу Вике стоило определенных усилий заставлять себя не ждать подвоха. И она, и Марк понимали, что Ева и Матиас Штайн в одном доме – не самое безопасное сочетание. Однако эти двое существовали параллельно друг другу, даже сталкиваясь в коридорах, они обменивались парой дежурных фраз и проходили мимо. А чаще – вовсе молчали, что было более типично для Евы.

Во время подготовки к новогодним праздникам особенно остро ощущалось, как важно не думать о расследованиях. Поэтому Вика просто наслаждалась общением с семьей.

А вечером расследования напомнили о себе сами, когда к ним приехал Максим. Его отсутствие уже выбивалось из нормы, но причину Марк объяснил. Предполагалось, что эти выходные юноша проведет в одиночестве.

Однако он появился на пороге их дома. Вид у Максима был невыспавшийся, но от этого не сонный, а взбудораженный.

– Мне нужно поговорить с Евой! – заявил он, стаскивая куртку.

– О чем это? – насторожилась Вика. – Уж не о том ли расследовании, в которое тебя просили не лезть, а ты все равно лезешь?

– Ой, да это не расследование даже, а помощь следствию! Активная гражданская позиция.

– Это не одно и то же?

– Нет, – покачал головой Максим. – Я ж на место преступления не выезжаю!

– Марк сказал, что ты там был.

– Был. Но больше не выезжаю!

– А больше и не надо.

– Слушай, да ты же меня знаешь, я лишнего делать не буду!

Вика была неумолима:

– Я тебя знаю, именно поэтому я не сомневаюсь, что ты наделаешь лишнего. Ты – натура увлекающаяся, этого у тебя не отнять. Вот тебе уже зачем-то понадобилась Ева!

– Ева понадобилась, потому что там факты не сходятся! Это преступление не может быть просто запугиванием Кнорина! Оно слишком дорогое, жестокое... Короче, это какая-то подстава! А я никак не могу понять, с чего начать ее распутывать. Мне нужно, чтобы Ева мне чуть-чуть подсказала, дальше – я сам.

Жизнь уже не единожды показывала им, что это те самые «знаменитые последние слова». Скажешь, что серьезного расследования не будет, – и все случится с точностью до наоборот. Даже если Ева вдруг проявит благоразумие и не увлечется этим, Максим обязательно во что-то вляпается, и тогда им всем придется спасать его.

Не так Вика хотела провести новогодние праздники.

– Чтобы ни слова Еве об этом не говорил, – велела она. – А то вообще тебя не пушу к ней!

– То есть заявления, что я – член семьи, разом теряют силу? – оскорбился Максим.

– А этим меня не шантажируй. Здоровье Евы мне дороже.

– Ее здоровье тут ни при чем, ведь я... – начал было он, но осекся.

Потому что в этот момент в прихожую вышел Матиас. Немец прислонился к дверному косяку и, скрестив руки на груди, оттуда наблюдал за ними. По его позе, одежде и взгляду было видно, что он чувствует себя в этом доме совершенно расслабленно. Такую привилегию обычно имели близкие друзья, которых Максим хорошо знал.

А этого – нет.

– Вика, у тебя проблемы? – по-немецки поинтересовался Матиас. Он уже удивил их тем фактом, что сносно научился говорить по-русски. Однако делал это только при необходимости.

сти, использовать родную речь ему было удобней. – Я слышал разговор на повышенных тонах или мне показалось?

– Не показалось, но и проблем у меня нет. Просто поспорили с Максом по поводу особенностей общения с Евой. Кстати, это Максим Лисицын, наш друг и коллега Марка. Вообще-то владелец фирмы, где Марк работает. А это Матиас Штайн, старый друг Марка. Ну и мой тоже.

– Друг Марка? – переспросил Максим. – Я бы предположил, что твой родственник...

Предположение было небезосновательным: многие люди почему-то считали рыжие волосы обязательным признаком родства. В остальном же Вика не находила между собой и немцем ничего общего.

А еще она поймала себя на мысли, что невольно сравнивает его и Максима. От этого Вике было стыдно, и успокаивало то, что они об этом не узнают.

Сейчас они стояли друг напротив друга, и Максим определенно проигрывал. Во внешности Матиаса было что-то аристократичное и, самое главное, зрелое. Внешность в его случае служила отличным отражением внутренней уверенности. Да и фигура была более гармоничной, многолетние спортивные тренировки давали о себе знать. Максим же все это может «догнать и перегнать», но лет через десять. Молодость, как ни странно, играла против него. Он уже прошел этап подростковой неуклюжести, но не более.

И не было причин их сравнивать, если бы не одно «но». Эти совсем разные мужчины – по возрасту, национальности – испытывали симпатию к Еве. Это сумасшествие делало их в чем-то похожими...

А самое удивительное заключалось в том, что они тоже это почувствовали. По крайней мере так показалось Вике. Эти двое смотрели друг на друга с настороженностью. Ни один из них не спешил подойти ближе, пожать руку, их улыбки были натянутыми.

– Я прошу меня извинить, но я что-то услышал. – Матиас перешел на русский. – Насколько я понял, юноша видит Еву детективом... Не самое удачное решение.

– Слова того, кто ее не знает, – парировал Максим. – Ева уже не с одним делом разобралась! Она такие загадки разгадывает, которые остальных в ступор вгоняют!

– Ты серьезно думаешь, что ее привлекают загадки? – усмехнулся немец. – Ева не занимается расследованиями, она охотится. Если она кому-то помогает в этот момент, то это, скорее, побочный эффект.

– Я не понял, а что это за эксперт по Еве выискался?!

– Оба вы тут изображаете экспертов по Еве, – вздохнула Вика. – И оба, подозреваю, совершенно ее не знаете. Я уже сказала тебе, кем является Матиас. С Евой они знакомы давно...

– Она спасла мне жизнь, – спокойно уточнил Штайн.

– Ну, меня этим не удивишь!

– Вы оба гордитесь тем, что вас молодая девчонка спасла? – поразилась Вика. – Зачехлите самурайские мечи, не портите предпраздничное настроение. Максим, ужинать останешься?

– Ты мне дашь поговорить с Евой или нет?

Он контролировал себя гораздо хуже, чем до появления Матиаса, больше злился. Это нельзя было не заметить. Но Вика не видела смысла сочувствовать. Подростковые капризы какие-то!

– Если про расследование, то нет!

– Тогда я пошел. – Парень резко развернулся, направляясь к двери. – Мне завтра на работу рано вставать. Хорошего предновогоднего вечера!

– Макс... Ты хоть не лезь в это расследование! Марк сказал, что там дело кровавое...

– Разберусь, не маленький уже.

Он даже не надел в доме куртку, просто подхватил ее с вешалки, направляясь к машине. Вспылил он, как мальчишка, и это было бы забавно, если бы не было так грустно. А Матиас, в свою очередь, находил ситуацию комичной. Он тоже понял, что произошло. Но это заставило его лишь махнуть рукой в сторону окна, за которым Максим заводил машину.

– Перебесится, – прокомментировал он. – И давно он за Евой увивается?

– Что, это так очевидно?

– Очевидней некуда.

– У них... сложная история отношений. – Вика не без труда подобрала подходящее определение. – Мне почему-то кажется, что ты как раз должен его понимать... разве нет?

Но Матиас лишь тяжело вздохнул.

– Нет. То, что происходит со мной и с ним, – совершенно разные вещи.

* * *

Он не привык вот так сразу доверять людям. Интуиция – вещь хорошая, но и она ошибается. К тому же Кирилл подозревал, что верит ей так безоговорочно, потому что хочет верить. Инесса представлялась ему настолько несчастным существом, что желание помочь ей появилось само собой.

Однако годы ошибок и разочарований в людях теперь не давали расслабиться. Слишком уж показательно слезливой была ее история... и слишком идеальной представала сама женщина! Выдержала и несчастное детство, и чудовищное замужество, потеряла двух детей и при этом не оскотинилась. Разве так может быть? Разве с современными женщинами это бывает?

С другой стороны, с тех пор как он стал вдовцом, желающих познакомиться с ним было больше чем достаточно. Даже до того, как он потерял жену, многих не останавливала его репутация примерного семьянина. А когда жены не стало, они как с цепи сорвались! Мало того что на работе преследовали, так еще и рассказывали своим знакомым, и те тоже выходили на охоту!

Тогда он разных трюков насмотрелся. Одна пробралась к нему в кабинет, разделась там и сидела на столе в одном белье. Решила, должно быть, что ее телеса, похожие в синеватом офисном освещении на студень, заставят его мгновенно потерять контроль! Другая показательно упала в обморок перед его автомобилем. Третья взялась носить ему домашние обеды. Словом, каждая являлась со своим оружием, и на жалость они давили весьма часто.

Теперь он не мог избавиться от ощущения, что Инесса делает то же самое. Ее история не копировала его собственную, и все же понять ее чувства он мог. Его не радовало такое ощущение родства, потому что оно порождало уязвимость. С другой стороны, что он мог сделать? Выгнать ее на улицу после того, как пообещал дать кров?

В итоге Кирилл решил, что нужно провести проверку. Тогда у него появятся причины доверять женщине, находиться с ней под одной крышей станет намного проще.

Осторожно он выпытал у Инессы подробности ее семейной жизни. Где находится квартира, как выглядит муж, с кем из соседей она общалась... Женщина, в отличие от него, проблем с доверием не испытывала. Для нее гарантом служило то, что Кирилл ни разу не попытался приставать к ней, ни о каких услугах тоже не просил. Поэтому она без сомнений отвечала на его вопросы.

Он дождался, пока пройдут выходные, и уехал из коттеджа в понедельник. Женщину это не насторожило, она уже уверенно чувствовала себя в его доме. А Кирилл вместо того, чтобы ехать в офис, отправился по адресу, который она дала.

Это был довольно старый район. То, что дома здесь отремонтировали внешне, не спасало от ощущения разрухи, буквально зависшего в воздухе. Снег тут был сероватым, во дворах

мелькали мрачные лица, дорогих машин фактически не было, и его автомобиль мгновенно привлек внимание.

Нужный подъезд встречал его открытой дверью. Нет, домофон здесь был, и даже исправный, но его функциональность сводилась к нулю тем, что дверь распахнули и подперли камнем.

Кирилл вошел внутрь, поднялся на второй этаж. Двери тут были старые, но не слишком убогие. Так что назвать это место очевидным пристанищем алкашей не получалось. Собственно, в случае со своим мужем Инесса и не на алкоголизм жаловалась.

Была вероятность, что дома никого нет: будний день ведь, и далеко не все могут позволить себе являться на работу, когда им того хочется. Кирилл понял это только сейчас, но в дверь все равно позвонил.

Открыли ему, вопреки ожиданиям, довольно быстро. На пороге стоял невысокий, на голову ниже Кирилла, молодой мужчина. Мрачный, не толстый, но рыхлый и чем-то неуловимо похожий на пельмень. Его лицо покрывала неопрятная темная щетина, помятый костюм сидел плохо, и даже очки интеллигентности образу не придавали.

– Вы кто? – настороженно осведомился он, осмотрев Кирилла с ног до головы.

– Я ищу Дмитрия.

– Ну, я Дмитрий. А это не отвечает на вопрос, кто вы!

В принципе эту встречу можно было считать удачей, хоть и сомнительной. Не теряя времени, Кирилл уверенно втолкнул собеседника в квартиру, прикрыл за ними дверь. Дима такой наглости не ожидал, поэтому и не сопротивлялся толком.

– Эй! – возмутился он. – Ты че творишь?

– Где твоя жена?

– Какая жена? Какое твое дело? Ты кто вообще?!

– Инесса, – спокойно пояснил Кирилл. – Где она?

– А-а-а! – Дима прищурился. – Так ты ее хахаль? А я знал! Знал, что она мне изменяет! И ребенка того убудочного нагуляла где-то... Не могло от меня такое чмо уродливое родиться!

Что ж, пока слова Инессы медленно, но верно подтверждались. Значит, Кирилл стоял в ее квартире перед ее мужем.

Место было, надо сказать, не слишком пугающее. Да, квартире не хватало ремонта, и с каждым годом это ощущалось все острее. Но это не был притон или что-то в этом роде. Кто-то следил за жилплощадью, регулярно убирал и подклеивал обои, замедляя тем самым наступление разрухи. Вещей в коридоре оказалось много, причем самых разных, однако даже в этом нагромождении был определенный порядок.

Комнат отсюда было не видно, но Кирилл предполагал, что ситуация там примерно такая же. С той лишь разницей, что после ухода Инессы убирать было некому, и хаос нарастал.

– Оглох, что ли? – напомнил о себе Дима. – Ты моей жены хахаль?

– Я ее друг, и я хочу знать, где она.

– «Друг»! Ага, как же! Мир, дружба, жвачка – вот из этой серии? – расхохотался мужчина. – Нет, серьезно... Мог бы и не врать, чем врать вот так!

– Меня не интересует, что ты думаешь. Меня интересует, где Инесса.

– А мне почему знать? Это тебе виднее!

– Тебя не волнует, где твоя жена?

– Нужна мне эта шлюха! – хмыкнул Дима. – Проблем от нее больше, чем толку! Сама по себе она – ноль: ни образования, ни интересов, ни работы. Да еще и мутантов каких-то рождает вместо детей!

– Насколько мне известно, для рождения детей нужны двое, – холодно заметил Кирилл.

– Да что ты говоришь! Ну, среди этих двоих меня точно нет. Я тебе говорю, подобное отродье от меня появиться не могло! Она мне своими родами, детьми и капризами только

проблем добавила! Ушла она? Да наконец-то, я уж не знал, как от нее избавиться! Если она сдохнет где-нибудь под забором, я буду только рад, сэкономит мне время на разводе!

Дима был именно таким человеком, как описала Инесса. Даже не имея прямых поводов для злости, он сам себя накручивал, и гнев его лишь возрастал. По глазам было видно, что драка для него – лишь вопрос времени. Если бы перед ним стояла Инесса, вероятнее всего, он бы уже ударил. Но такой соперник, более рослый, спортивный мужчина, заставлял задуматься.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.